

ПОЭТИЧЕСКИЙ
ДНЕВНИК

И дуня здык

Ледат - агго

неприм созы
напа непримаме мыз
Лымае сене на уеде

Керуэнбунна
музнет улу

Корпан неузы

Секое Секаненна
Серисе

Сыгбаруна Мана

Козыгунна

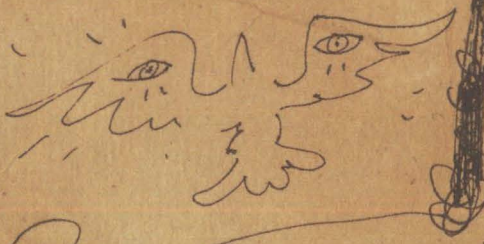
Легка

Килданан Алпал

Ом

Пазыраб горуна
Казат ооооооооо
Ооооооооо
Ооооооооо
Козураб
уеуууу
Мазур - Мон
Мон - Силеб
тпрусселеу не уао
паккунд за Салун
Круна - за та
Корпанна не
Салунна - та

Ах, стихи мои – павлин беспричинной грусти,
Горлом плещутся слова, как глоток вина;
И янтарны, и терпки, как азийский мускус,
Ненасытные в любви, как сама судьба!

А. Злобинский

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

VERS LIBRE
(стихотворение-медитация)

Самолет...
Вытянул небеса иглой,
Циркулем сверкнул на живой карте планеты.
Устремление...
Даль мягкой лапой когтит надежду,
Дом качается золотой каплей в сердце,
Облака округляют самолет...

Летать – чудо!

Мы говорим:

«Воздух – газ,
смесь азота и кислорода...»

Воздушность?!?...
Бабочка-балерина на голубой сцене,
Струйность и прозрачность,
Птичье крыло, изгибающее закат,
Детский поцелуй
И золотые ладошки, вспорхнувшие сквозь времена!

Слова...

«Озеро...» –

Рыбья Вселенная!

Мы говорим: «Облака...»

А они – суть воздушные храмы Господу!

Древние видели богов...

Мы – ослепли!

Одуванчик раскрывает золотой купол,
Острolist тянет синие стрелы к солнцу,
Люди строят соборы и минареты,
устремляя их в небеса...

Эхо Творца!

Не наша ли радужная паутина зовется судьбой?
Что за кружева плетем мы себе,
принимая их за Вселенную?

Имена, понятия, смыслы...

Постигаем замысел Господень

палочкой для плетения кружев!

Возможно ль? –

Бога нет!

Чему мы даем названия?
Тому, что снаружи, или тому, что внутри?
Как вытянуться словом и объять глубину?..

«Вначале было Слово...»
Научиться языкам или Немоту постичь Его?!

Если вдохнуть птичий полет – станешь небом!
Мах крыла пролетает через сердце.
Нежность – это касание душ.
Знать – значит слиться!

Что мы ищем – счастье или имена его?
Кем очерчены эти изменчивые границы
Между «я» и «не я»?..
Закованная река вздыбливается ледоходом – Ум!
Земля, качающая мир
в голубом материнском покое, – Сердце!
Золотая точка,
рождающая Вселенную, – Озарение!

Любовь!

Кто мы – часть или целое?
Что за паутина поймала сознание?
Моя рука – чья?
Ум, Сердце, Озарение – чьи?
Слова... Имена... –
Бога нет!

Любовь,
Человек!..
Любовь и ненависть неотличимы,
Только ненависть живет внутри.
И раковина, мучаясь песком, рождает жемчуг!

Жизнь - Жертва!
Отдаем жизнь во имя награды?
Отдаем часть во имя целого?
Отдаем или соединяемся?
Жертвенность – есть Любовь!
Только Жертвенности нет!

Любовь и
Искренность небесно-голубая – одно!
Как назвать целое?

«Не сотвори себе кумира...»

Между желанием и судьбой – нерв,
струной натянутый:

Страдание!
Нерв, болью поющих гимны глупости человеческой:
Слепота!
Нерв, услады в пороках алчущий...
Движение – боль!
Боль – Любовь!

Любовь,
Постигающая Самоё Себя,
Раскинувшая крылья Творения,
Озаряющая мир!..

Лед ума моего – Любовь!
Колокол Земли моей неумолкающий – Любовь!
Вселенной кровь живая,
Золотое вместилище мира всего... –

Любовь!

Чудо,
Облака,
Устремление,
Самолет... –
Любовь!

Что написано – было!
Грядущее – было!

Бог – Есть!

СТИХОТВОРЕНИЯ-БЛИЗНЕЦЫ

I

Я роняю слова, золотые, как листья,
Как осенний привет косоглазю луж,
Капли маленьких солнц на картонные лица
И немного тепла нежным инеям душ.

И живут в тех словах скальдов льдистые саги,
Мед хафизов, бонтон менестрельных баллад,
Серенады гортанных испанских жуанов,
Святотатственный Марсий и плачущий Пан.

И на крыльях стихов в души дальних и близких,
В их серебряный рок и алмазные сны
Драгоценных фантазий несущих аметисты
Из сокровищниц Майи, царицы судьбы.

Я парю, словно бог, среди дворцов их и храмов,
Отражаюсь огнем у жрецов в фиалах,
И читаю Любви золотые скрижали
Сквозь клубы фимиамов в цветных зеркалах...

И роняю слова, золотые, как листья,
Как осенний поклон нерожденной весне,
Сотни маленьких солнц, капли радужных истин
И немного тепла, что отпущено мне.

II

Я зачем-то пою, вряд ли кто-то услышит,
Просто птицы, взлетев, потянулись на юг,
И охряный закат манит золотом листья,
И лиловая ночь замыкает свой круг.

Моих песен струну украшают цветами
Заблудившийся плющ и влюбленный жасмин,
В моих песнях звучат и зурна, и кифара,
И незримая нить вдохновенной судьбы.

Моих песен мотив сладострастный и пряный
Льют измученный жаждой тропический дождь,
Напоенные летом полынные травы,
Маслянистые тени оливковых рощ.

Как сверканье камней на перстнях у Майи,
Моих песен дары блещут сотнями тайн,
Словно времени сон на гранатовых лалах
Иль слезою обнявший мгновенье янтарь,

В них трепещет огонь, будто пульс Мироздания,
Будто звездная пыль на попитре Творца
Отразилась стократ в зодиаковых тайнах
И дрожащею искрой упала в сердца.

И зачем я пою? Вряд ли люди услышат...

Просто сердце горит и взмечается ввысь,

Где в сиянии солнц кто-то радугой дышит
И на крыльях заката над миром парит.

ПОЛЕТ МАРГАРИТЫ

Квадрат луны на темном в шашках небе,
Косой разрез долины между гор –
Ночной полет над разумом и твердью,
Полет души над зыбкостью морской!

Лиловый глянец океана бледен.
Какой звезде открыта грудь моя?
Мой стан нагой одела ризой вечность –
Луна Лилит на звездных орарях!

Ночной полет! – В копне волос пылает
Протуберанец-нимб на сотни верст окрест!
Ночной полет язычницы с богами
К Царю, в созвездие, раскинувшее Крест!..

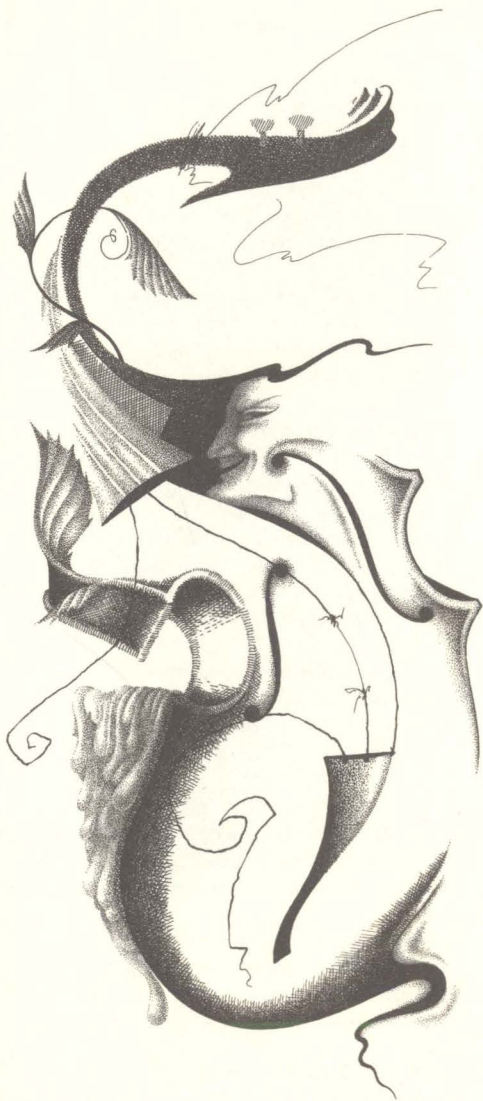
О сто один резон, о квадратура круга!
О тысячи томов, исписанных зазря!
Я кровь, кипящая от вашего недуга,
Я ваша невзошедшая заря!
Я ваша сила, ваш воздушный призрак!
Ваш спуд чугунный расплавляющая страсть!
Я молния прозренья, тайный свиток,
Сакральный зов и Провиденья власть!

Какие факты и какие повторенья
Нужны вам, как заблудшему Фоме?!
Ночной полет – вот зеркало творенья!
Ночной полет – зеркало ваших дней!

Я вам с небес протягиваю сердце!
Лучом Креста я трус о вашу твердь,
Свидетельствуйте, вы! Эгей! Уверьтесь
В том, что и вам даруется взлететь!!!

Квадрат луны на темном в шашках небе,
Опал Лилит, чернеющий в веках!
И антрацитовая нить больших созвездий,
Играющая в ваших волосах!

Опал Лилит и семь печатей мрака!
Квадрат луны, лиловый глаз морской!
Ночной полет, сургуч пудовый ада...
И яркий нимб над вашей головой!

ПРОКОФЬЕВ.
СКРИПИЧНЫЙ КОНЦЕРТ.
ВАДИМ РЕПИН

На скрипичной дуге изгибается мир
И, дрожа, через струны скользит
По смычку, что тоскует, как пьяный сатир,
И роняет охрипшую нить.

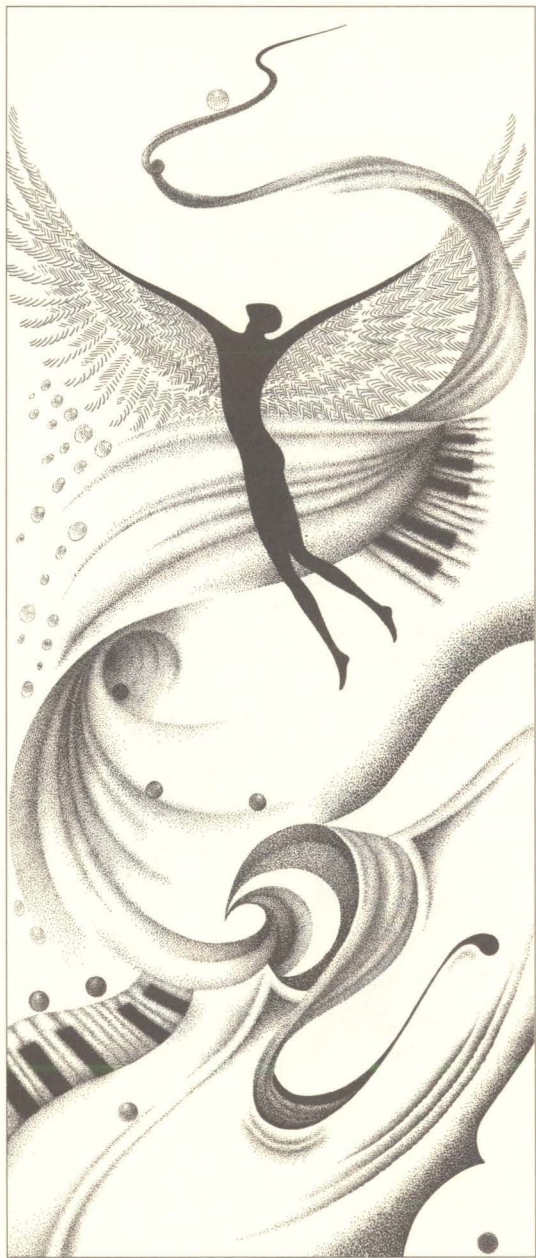
По велению богов ли, крыла скрипача,
Поцелуев забвений и снов,
Упоительной ласки худого плеча,
Волховства обезумевших нот

Изгибается мир на скрипичных колках,

Обнажая чужой горизонт,
Чей-то взгляд сквозь века в роговых полюсах,
И закат, и восход... и восторг!
И движенье души на скрещенных лучах,
Вознесенье времен в забытии,
И рыдание воска на храмных свечах,
Улетающих в купол молитв...

Так поют анемоны у смерти в саду,
Немотой разрывая сердца.
Так взрывают сознание симфонии будд
И объятия Христовы с креста...
Так на сколах миров, что у тлена в плену,
На краю, где сочится душа,

Капля крови живой вдохновляет струну
Человеческих душ на колках!

МОЦАРТ. ОСЕНЬ. ПЛЕТНЕВ.

Я вижу звук...

Косой полет
Смычков в торжественной печали;
Рояль рассыпал жемчуг нот
На темный бархат стихшей залы.
Под пенье струн грустит гобой
И губы тянет в поцелуе:
Оркестр – мальчик золотой,
Влюбленный в тайны клавиш лунных.

Тот звук... – туман старинных снов,
Тот звук... – огонь в крылах осенних,
Тот звук – слияние веков
В одном, созвучном им, мгновенье...

Я вижу звук...

Не Моцарт то,
И не Плетнев в ледяной истоме,
А Слово, что речет Господь, –
И эхо повторяет Слово!
И залой правит юный бог,
И в завроженности слуха
Рояль торжественно поет
Полет Любви на крыльях звука!

Я вижу звук...

Прикрывем глаз,
Немотой тел, разрывом сердца,
Бессмертьем звезд, горящих в нас,
И нерожденностью младенца...

Как легок непосильный крест,
Как призрачны все «до» и «после»,
Что было... – есть, что будет... – есть,
Я только звук, летящий в космос...

И вижу звук...

БЕТХОВЕН

Закружи, кружи, кружи меня, ветер,
Мои кудри раскинь, уложи в облака.
Унеси мою память, развей ее, ветер,
Подари разноцветью полуденных трав.

Я твой брат, я твой трепет, я малая птица,
Я поющая нить белой музыки твоей!..
Что мне память? – Из грубых узлов плащаница,
Пыль времен на полотнище прожитых дней.

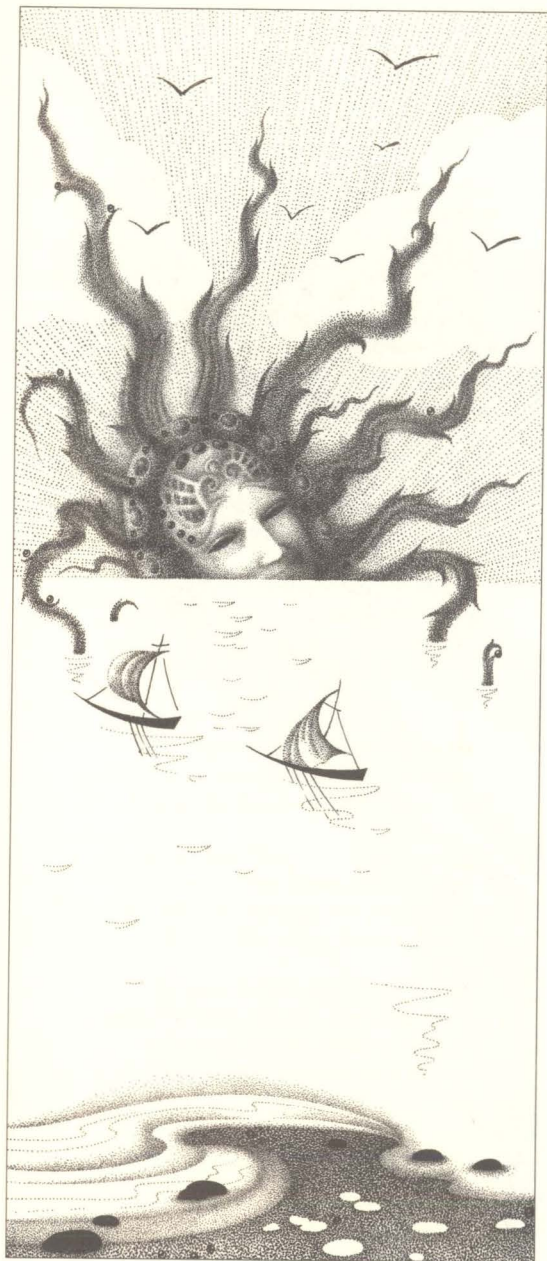
В моих жилах полет вместо медленной крови,
В моем горле свистит твой языческий клюв!
Мое сердце – лишь отзвук твоих колоколен,
Наполняющих вздохом планетную грудь!

Я пою твою буйную дерзкую волю,
Твои черные перья в грозовый набег!
Твои взлеты в безумные алые зори
И, наотмашь, звериную лапу с небес!

Мне ль судить, кто ты – Дьявол, Господь или Диво?!
Я уже вполтину помазан тобой:
Я распят на могучих безудержных крыльях
Твоей дикою, рвущейся к солнцу ордой!..

Я уже вполтину, в полнеба бесплотен –
В мои раны перста никому не вложить.
Этот я – лишь скиталец, оставшийся в прошлом,
Этот я, все еще продолжающий жить...

Этот я, что не помнит и мига земного,
Этот я – твой шаманский гортанный словарь!..
Подхвати же меня, унеси меня в поле,
И вдохни в разноцветье бушующих трав!

*Погляди, бледно-синее небо покрыто звездами,
А холодное солнце еще над водою горит,
И большая дорога на запад ведет облаками
В золотые, как поздняя осень, сады Гесперид...*

Г. Иванов

Г. ИВАНОВУ ИЗ XXI ВЕКА

Вечер веки прикрыл и лениво макнул
Заходящее солнце в арбузную мякоть залива,
Томно выдохнул бриз и закатным пером расчеркнул
Небеса золотыми цветами нездешнего мира.

Я рассыпан в песке, повторяя узор,
Я смотрюсь в темный лак лодок-странников, косточек моря;
Я дрожащей дорожкой плыву в огневой горизонт
И ласкаюсь пунцовой и бархатной пеной прибора...

Отчего ж я развеян, как облако грез?
Где же край моих вод, слитый с небом в златом поцелуе?
Чем трепещет мой пульс, обрываясь средь шепота звезд?
И в какую из бездн мое сердце втекает, волнуясь?..

Я – торжественный пламень в ладонях судьбы
Между тленом времен и хрустальной прозрачностью мига.
Что за вихри внесли меня в брэнное тело земли
И орбиты мои искривили изнанкою мира?

И зачем я кружу меж изломов беды,
Облекаясь в причинность материй тяжелого круга,
Собирая сквозь смерти свой атом вселенской любви,
Разлетаюсь по жизням огнями вселенского чуда?!

Вечер веки прикрыл – как блажен он и тих.
Ночь тропической тьмой манит звезды и землю колдует..
Только в небе моем, как и прежде, пылают цветы,
И, как солнца росток, к ним лучи золотые тяну я.

* * *

Что жизнь людская – скорлупа!
Ах, тесно в ней душе и больно...
И бьются, и сочатся кровью
Два непроросшие крыла
Небесного добра и зла,
Что именуем мы Любовью!

БЕЛЫЙ ВЕК

Я вхожу в белый век, словно луч в горизонт,
Словно белое солнце в восходы,
Словно мудрость в весну или птица в отлет,
Или смерть в обновленье природы.

Вот в соцветье мгновений Венец Красоты,
Недвижим в уплывающем веке;
Все, что было со мной, исчезает, как дым:
Я вхожу в свою белую вечность.

Отчего же Любовь в белом сердце моем
Пробивается больно и странно,
Будто свет очага через иней окон,
Будто кровь сквозь ожившие шрамы?

Отчего седина белых песен моих
Торжествует, как снег над полями,
Укрывая бывлые цветущие дни
Серебром моих нежных печалей?

Отчего ж одиноком я, как белая ночь,
Что в бессоннице плачет по звездам,
Как в движенье воды черный шпиль позолот
Под холодным тумановым флером?

Отчего мой полет, будто лист на ветру,
Задохнулся алмазною пылью
И кружит свою смерть через белую мглу,
Белый танец отдав ей невинно?..

Отчего, отчего?! Отчего... отчего?..
Отчего в беловоде исхода
Бесконечное белое солнце мое
Так мучительно тонет в восходах?!

НАТАШЕ КИКЕНИНОЙ
(на ее стихотворение «Время осени»)

...И весенняя осень так жадно ласкалась к нему...

Анна Ахматова

Горечь дымная –
Грезы осени.
На губах молитвенный
Терпкий вкус.

Шаг несмелый вслед...
Память слез моих...
Лист, слетающий
В золотую грусть...

Зори бледные –
Утро осени –
Воздух медленный
Серебрят.

На листьях рябин
Иней, росы ли?.. –
Нежат сны озер
Холода.

Звон хрустальных игл –
Время осени!
И роняет лес
Свой наряд.

Отпускает снег
Грех весенний осени:
Пышных дней пожар – гарь утрат.

ОСЕНЬ
(утренняя колыбельная)

Осень-девочка села у пруда
Помечтать возле тихой воды,
И рассыпались дымные кудри –
Голубые воздушные сны.

В пестрой юбочке, в вязаной шали
Так прелестна она и мила:
Спит и нежит свой дачный румянец
На веснушчатых бледных щеках.

Сколько лета в мечтах ее юных,
Сколько трепетной птичьей весны!
Сколько в зеркале белого пруда
Капель долгих туманов цветных:

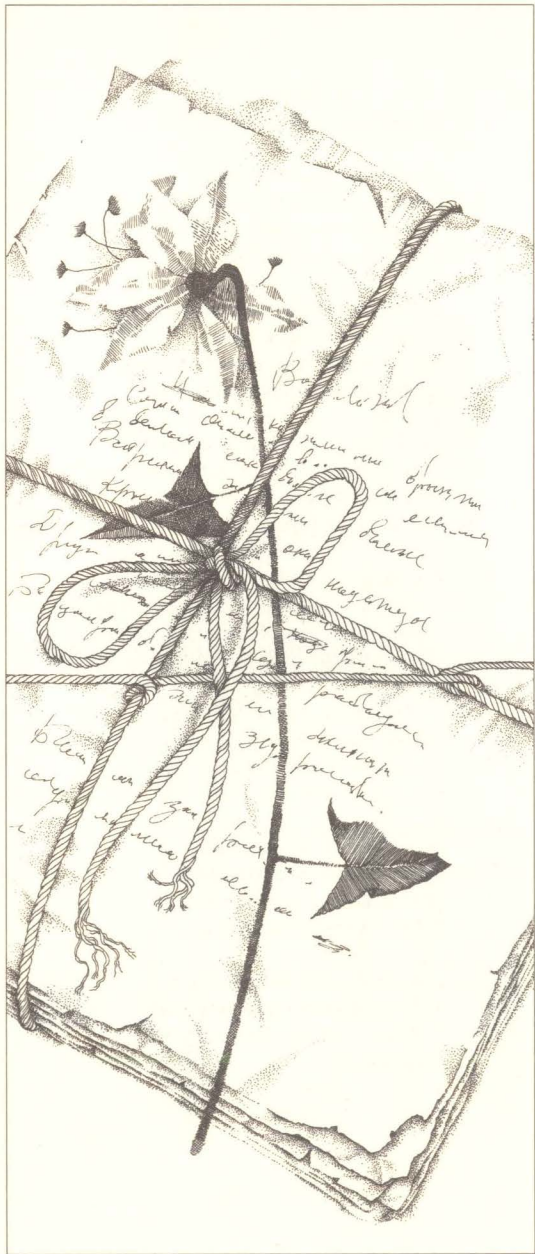
В каждой – пух облаков лебединых,
В каждой – медленный царственный лист,
В каждой – гроздь блаженной рябины,
Словно бисер узорный, сплелись!

Вороненок оранжевых яблонь,
Хризантема застывших садов,
Уплывает она с журавлями,
С золотыми оленями солнц!

Осень-девочка грезы качает
На бумажном кораблике дней,
И на цыпочках ходит декабрь,
Робко спрятав в запазуху снег...

Дай укрою тебя, не тревожься:
Тот декабрь еще в дальнем краю.
Спи, малютка, спи, девочка-осень.
Баю-баюшки,
баю-
баю!

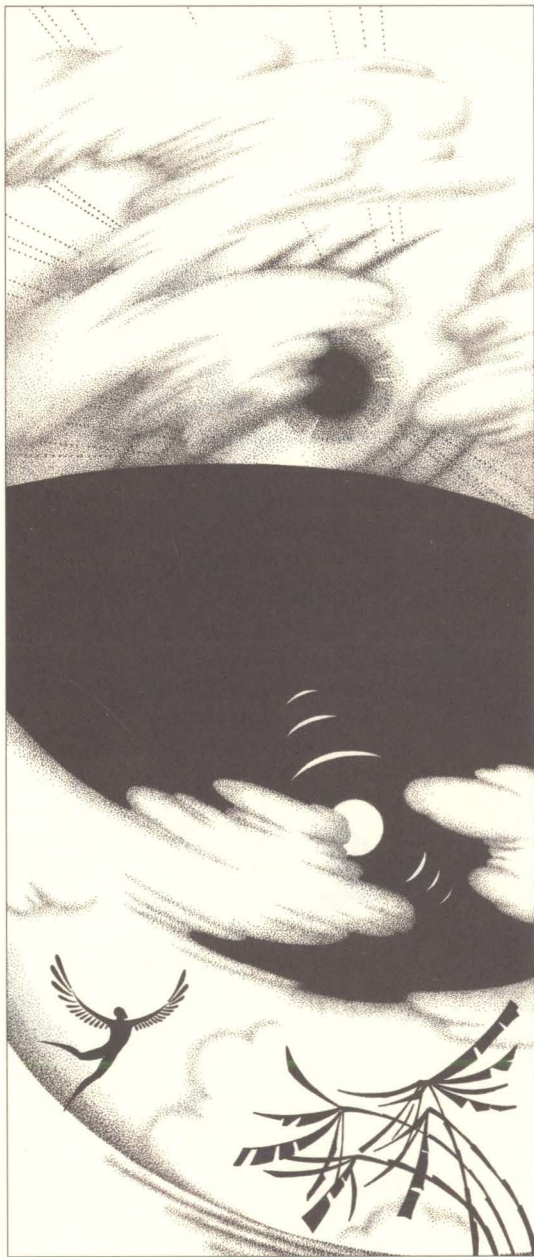
ВОЯЖ

Мы крахмальные брыжи и пышные фижмы
Старомодно уложим в большой саквояж;
В царство пальмовых хижин, на манговый Фиджи,
Словно встарь, совершим

экзотичный вояж...

И на синих крылах океанской надежды
Мы вернемся муссоном в московский пейзаж,
И полюбим друг друга, тропически нежно,
Старомодно...

В былое свершая вояж.

ГАВАЙСКИЕ ЗАКАТЫ

День разнежил цвета, опускаясь в вечернюю чашу,
Берег лижет волна языками оранжевых солнц,
Вынося, как дары, лепестки акварельных закатов
На уставший от зноя лавандовый пряный песок.

Небеса развернули горящий торжественный свиток,
И играет огонь в силуэтах графических пальм,
Как лиловые сны искупавшихся в ночи фламинго
Или жаркая память укрывшихся лавою скал.

День, лелеющий ночь, лег муаром на солнечный купол,
На закатный алтарь в витражах золотых облаков,
И тропический мир тянет жадно муссонные губы,
Задыхаясь молитвой напитанных страстью цветов.

Облака, облака... на горящем кресте горизонта,
Вот и ваш ренессанс озаряют косые лучи:
Будто Дни Сотворенья сикстинских картин Буонаротта
Распростерлись на крыльях парящей в пространстве земли...

И летит океан, отраженьем небес измеряя
Глубину своих дней и безвременность их красоты.
И на синих хвостах поднимают Господни скрижали
Безупречно и свято хранящие вечность киты.

Так прощается солнце, и ночь над землей замирает,
И мерцают миры на ресницах далеких светил,
И лучится душа в беспредельности звездного края,
Как слеза мировой, потерявшейся в безднах любви.

НОЧЬЮ

Нету тела, нету тела –
Улетело, растворилось
В бледном облаке подлунном, в разговоре дальнем птиц.
Улетело, испарилось, очаровано туманом,
Волооким глазом неба,
Тенью стрельчатой ресниц.

И остался я душою
Трепетать под звездным долом –
Одинокий, будто ветер, и свободный, как дитя.
Гулкий дальний и тревожный, как набат в площадной пыли,
Как молитва колоколен,
Улетающих в закат.

Я остался обнаженный,
Обнаженный и прозрачный,
Словно песнь ночной прохлады в струйной бледности минут,
Заворожен, опечален волооким глазом неба
И твоею млечной тенью
В лунном бархате разлук.

И тоска моя крылата,
И прозрачно мое тело,
И печаль моя объемлет все пространство наших дней.
Между мною и тобою бесконечный воздух ночи –
Я тоскую о тебе ли,
О потерянном себе ль?..

И в меня врастают сосны,
В мою кожу втерта горечь –
Память гордых и сокрытых в кольцах древности времен:
Я взметаюсь их кострами, лью их слезы смоляные,
И душа моя сверкает
В темном зеркале озер.

А печаль моя небесна –
Все вошло в свое начало,
Обрело покой и счастье, и торжественность, и смысл.
Мое тело – роздых ночи, а судьба моя – улыбка,
Безмятежная, как звезды,
В тени стрельчатой ресниц...

ЮАР. КЕЙПТАУН

Небеса – танзанит фиолетово-синий.
Эти горы, что сфинкс, бурой лапой в воде.
Эти недра, таящие золото мира
В этой древней диковинной дальней стране!

Африканский клочок, именуемый «белым»,
Имя-звук с протяженным, размеренным «АР»!
Так, наверно, кричали английские сэрз,
Подгоняя плетьюми чернокожий товар.

Или так клокотало голландское горло,
Защищая крестьянский, воловий покой,
Или пенились реки зулусскою кровью,
Растекаясь по Африке черной змеей...

Этот рог носорога, зовущийся мысом,
Местом смерти и местом надежд моряков,
Краем света, суровой, холодной границей,
Что упрямо блюдет антарктический Бор!..

Бесконечные пляжи с названием «стренды»,
О которые бьет белогривый прибой,
Где спадает с высот обезумевший ветер,
Выдувая со скал водопад облаков.

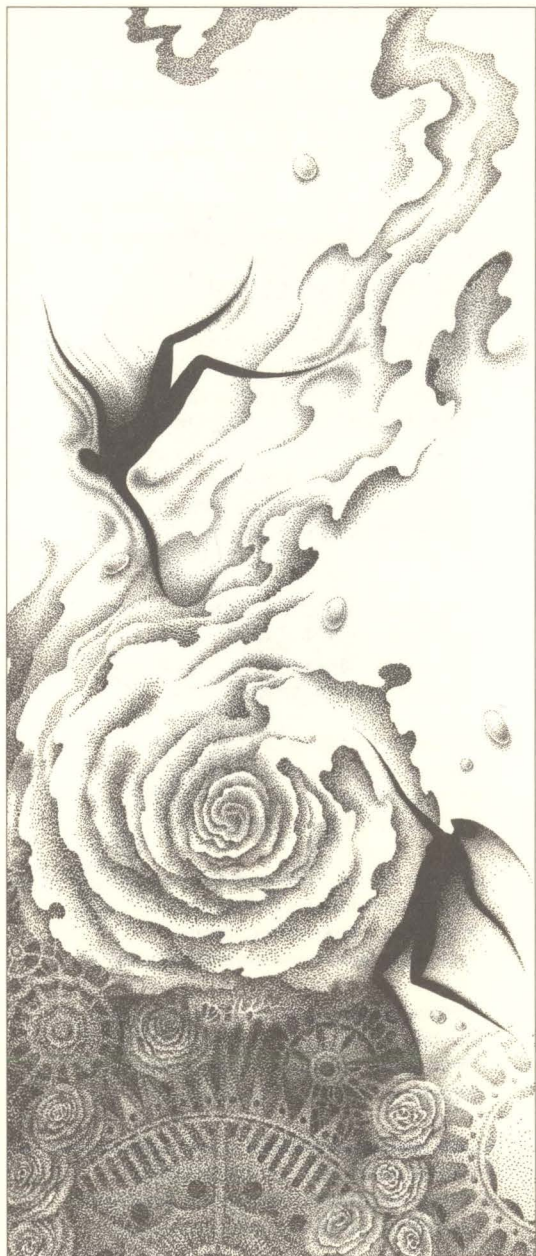
Это долгое солнце, молочные дюны –
Абрис света и тени на острых серпах...
Округленное небо в сини полнолуний
И разлитый в закат золотой океан!

И земля, в доскутах разноцветья и пеня,
И звериный покой, и покорность судьбе.
И деревья, о Боже, какие деревья,
С полыхающим небом средь черных ветвей!..

Что там бурская прямя – буйволиная жила,
Что английский кулак или кафрский кумир?!
Разве можно считать их причастными силе,
Красоте этой дикой и буйной земли?!..

...Вот стоит, прилепившись к немислимым скалам,
Старый город-чужак на чужом берегу!
Человеческий город с названьем Кейптаун,
Лилипут на гигантском планетном краю!

ПРОЩАНИЕ

Уж тщится ночь поднять фату –
Пастельный флер закатной ткани, –
Чтоб внять томлению прощанья
И недвижимости фигур
Над темной медью океана.

Что ж, дорогая, медлим мы,
Себя с собою примиряя,
И мним в разлуке увяданье,
И сердце сыпет лепестки
Пунцовой грусти расставанья?

«...Что нам разлука – круг Судьбы?
Пожар и нега встреч грядущих?
Иль плен сомнений дней минувших?..
Благоволение Любви
Или забвенья душ заблудших?..»

Слова, слова... кружащий звук,
Поющий ветер в крещендо смыслов,
Как вы легки, ажурны, чисты...
Но окрыляете тоску,
Как окрыляет осень листья...

Но...

Мы причастны тайне тайн,
Струеню странного пространства,
Где «милолетность» – Постоянство,
А «бесконечность» – Красота,
Благословенная на царство.

И в немоту слетевших слов,
В узорность Истины мгновенья
Вплетает нежность благовейно
Бутоны несравненных роз
Любви и вечности Творенья!

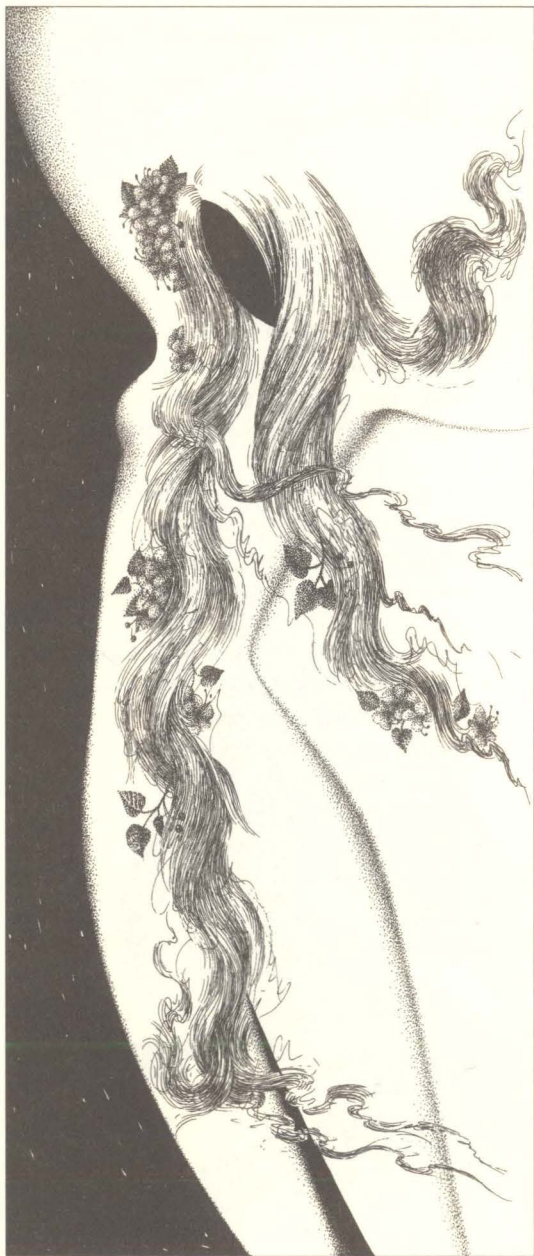
МАРОККАНСКИЙ СОНЕТ

Мне нравились джинсы и в капельках тело,
И кожа в песке, и атласский загар.
Улыбка твоя изумительно-белая,
Глаза, как оливы иль дымный янтарь.

Мне нравились руки в запястьях берберовых,
И в грации тонкой изогнутый стан,
И нежная, пылкая, самозабвенная
Девичья мольба на горящих устах.

И розовый отблеск восторгов мечтательных,
И струйность волос, ниспадающих в ночь...
Заветные, тайные луны объятий
И мир, в забытьи уплывающий прочь...

Какие мне только не грезились сны
По дальнюю сторону синей воды!

ВЕСЕННИЙ СОН

Любовь есть сон, а сон – одно мгновенье...

Ф. И. Тютчев

Белый лебедь небес, золотая порфира,
Тонкий стан – вот и все, что привиделось мне.
Но с тех пор не проснуться, и томная лира
Мне поет на каком-то ином языке.

Я ослеп и прозрел – мир, качая, уносит
На беспечном пленительном облачке дней.
Я смотрю в твое зеркало, милая гостья, –
Кто ты, нежная странница грезы моей?

Что таится в той царской нездешней походке?
Что за жар и неожиданная холодность вдруг?!
Что пророчит мне шепот полынный и горький
Этих узких властительных трепетных губ?

И зачем так лучатся зеленые взоры
Из-под влажных таинственных звездных ресниц?
Что за запах чужой и знакомый до боли
И тяжелых волос золотые дожди?

И бутоны несмелых скупых поцелуев –
Отчего ж прямо в сердце?! – Помилуй Господь!
И объятья вразлет – эти крылышки-руки
И воздушная, призрачно-тонкая плоть!

Бледный ангел мой, девочка, нежная лебедь,
Песня тихой блаженной звенящей весны,
Ах, о чем же в мой сон ты слетела поведать
Из далекой небесной

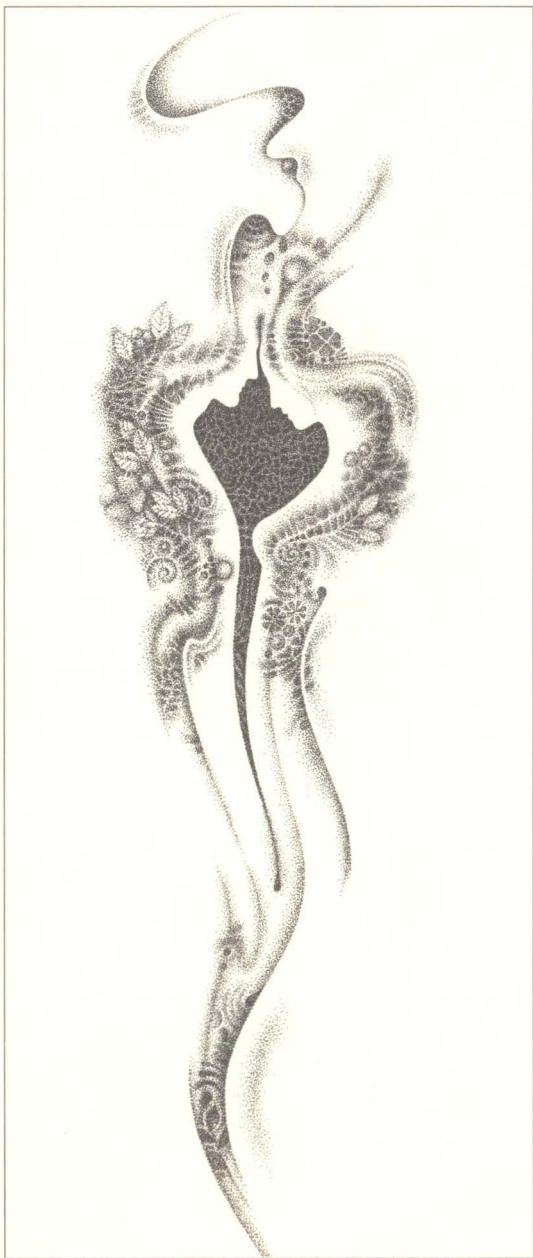
чужой

стороны?!

ВЕСЕННИЙ ЭПИЗОД

– Обворожительная,
 головокружительная,
 обожаемая моя,
Госпожа Любовь, куда же бежите Вы?
 Да неужто же от меня?
– Воля Ваша, юноша, ах, не спрашивайте,
 ах, не спрашивайте, юноша-без-огня!
Я уж год брожу, в кружевах кружу...
 А Вам дела нет до меня!

ВЕСЕННЕЕ

*Для того, кто знает все наперед, Путь – это то,
что закончилось, а глупость – это то, что начинается...*

Лао Цзы

Кто все знает – пропал, кто не знает – подавно!
Мир стоит на слонах, а кружится мечтой.
Есть в избывности тайн очень старая тайна.....

Я – погиб, уносимый душистой волной!

Ах, как стыдно, о Боже, нелепо ужасно,
Так некстати, так странно, в мои-то года!
Как мальчишке – отчаянно, глупо и страстно –
Утонуть в этих грустных зеленых глазах!

Как же сладить теперь с той пленительной лаской,
С этой дивой, голубкой слетевшей с небес!
С этой музыкой тел и весеннего счастья,
И качелями мыслей, и пышностью грез!
И пронзительной, тонкой и сладостной негой,
И восторженным робким касанием губ!..
С этой птичкой взъерошенной радости детской,
Запорхнувшей беспечно мне в самую грудь!..

.....Я стою пред тобой – обнажен и невинен,
Как Адам пред явлением Господних лучей...
Что там мир?!.. Что мечты?!.. Моя дивная Дива,
Причащай, причащай меня тайне своей!

ТЕБЕ

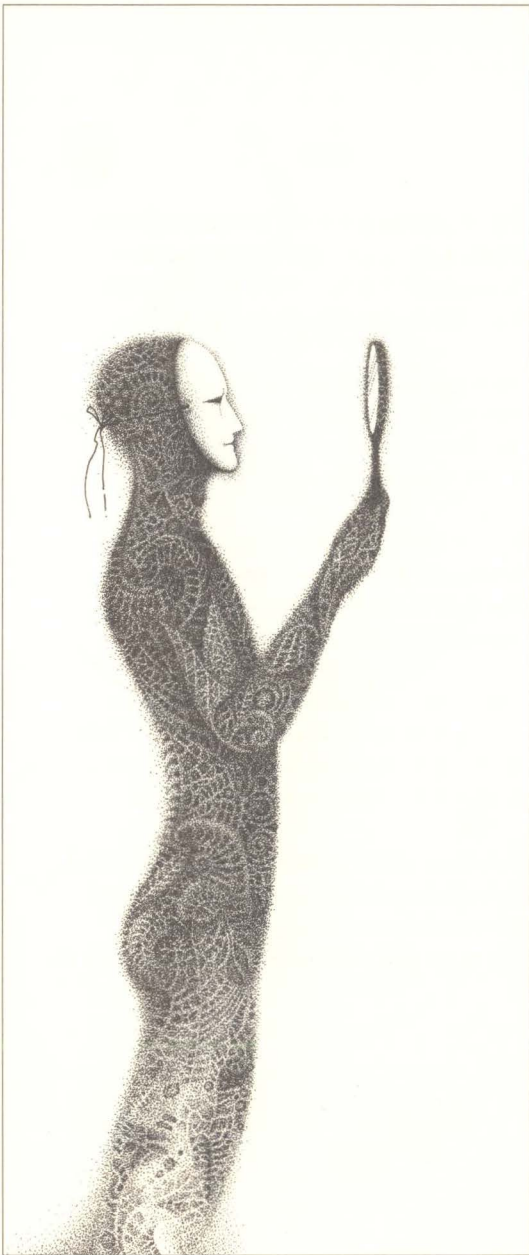
Сквозь ресницы всегда мир мне кажется синим –
Голубым или синим и чуть залитым серебром.
Он наполнен цветением ослепительных лилий,
Тронутых слезами и небесным дождем.

Сквозь ресницы мой мир так волнительно ярок,
Головокружительным шаром он плывет по волнам,
Он огромен... и мал, словно детский кораблик,
И трогателен, как первый весенний хорал.

Я – не я, сквозь ресницы, в очарованных даях
Затерявшийся робко, как младенец в мечте.
Мои зори изнежились в облачке алом,
А закаты купаются в морском молоке.

А на звездах ночами, сквозь ресницы и память,
Я грущу и, опершись крылом на лучи,
Пересчитываю бисеринки происшедшего с нами,
И немножечко путаюсь: где же я, а где – ты.

И, наверно, поэтому, сквозь ресницы, так счастливо!
Так необыкновенно покойно и блаженно светло!
Будто мы и не люди, а воздушные ангелы,
Сквозь ресницы любующиеся на свой мир голубой!..

БЕССМЫСЛЕННЫЙ СОНЕТ

Да, что за правда в тех словах?
К чему бежим своих же мыслей?
Не мыслей – чувств – какой обман:
Забросить сердце в ворох смыслов!

И ложь ли то, когда весна,
Волнуясь, кинет странный жребий,
И выпадают не слова,
А синий двор и птичий трепет?

И разве в мире есть ли что
Светлее и нежней до боли,
Чем то святое торжество,
Что так безвольно мы неволим?!

Что за нелепая отрада –
Так лгать себе нагою правдой?

* * *

И вот Любовь весенним ветерком
Влетает в грудь и нежится, мечтая,
И свет луны блаженно-голубой
Играет крылышком за нашими плечами.

И снов сады так пышны – блекнет явь!
А наяву так ярко, будто снится!
И в солнечном бреду, танцуя вальс,
Я в мир слетаю на твоих ресницах.....

Что ищем мы? Себя, Её ль огни?
Свои надежды, снов очарованье?
От одиночества пристанище на миг?

Струенье душ, тот призрак голубой?..

Что сменил их, когда уйдут мечтанья?
И что останется, когда придет покой?!

Что нам останется, когда придет Покой!?

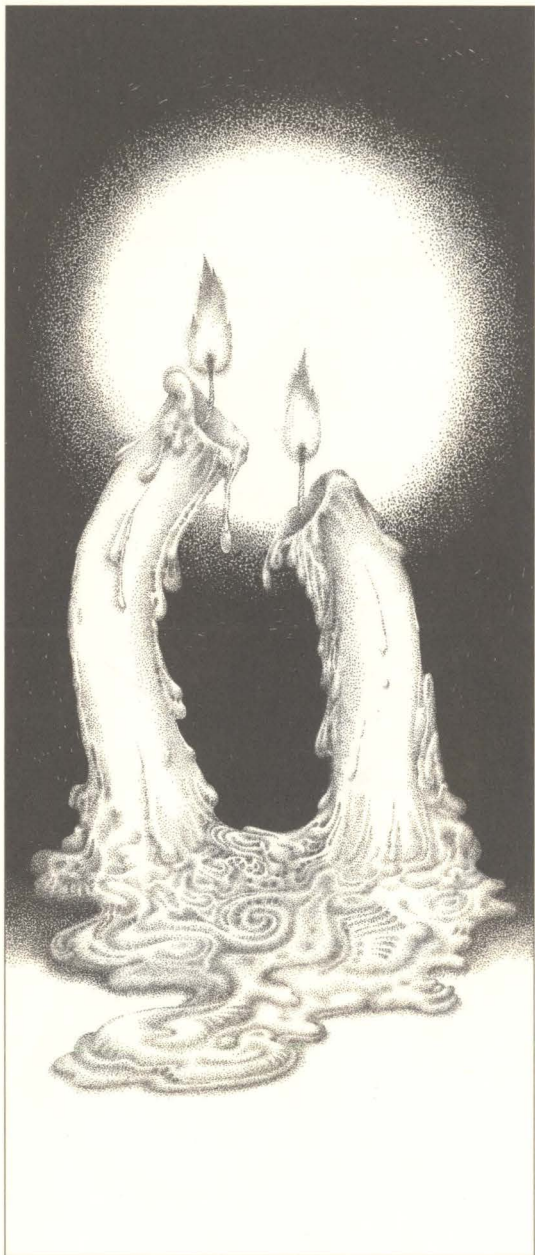
* * *

Ах, не слушай меня ты, не слушай –
Что могу я сказать о любви?
Я всего лишь случайный попутчик
Неслучившихся жизнью твоих,

Я всего лишь диковинный шепот
Губ у раковин бездн мировых,
Я лишь эхо веков на дорогах,
Заблудившихся в судьбах твоих.
Я лишь вздох, улетающий в пламя
Душ в момент предстоянья Любви,
Я поток, омывающий храмы
Сокровенных печалей твоих...

Так не слушай меня ты, не слушай
И стреми горделивый полет,
Моих ветров поющих воздушней,
Моих ярче серебряных вод.

И когда под крылом вдохновенным
Сотни крыл запоют о Любви,
Ты увидишь себя в отраженьях
Неслучившихся жизнью моих.

ТАНЕ К.

Этот вечер у камина:
Опływające свечи,
Опływające свечи и безмолвный разговор,

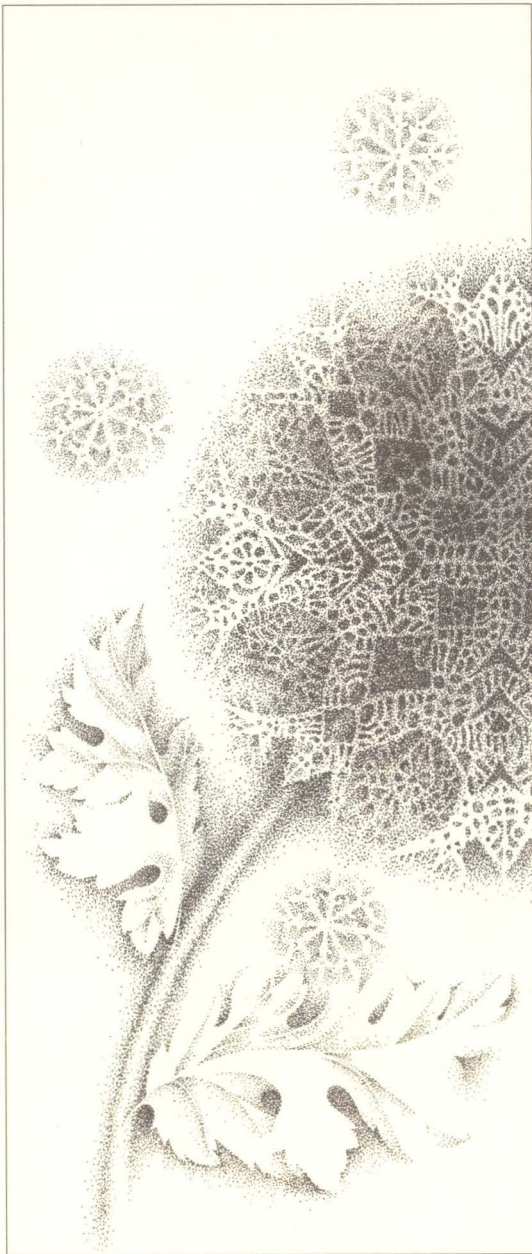
Замечтавшаяся полночь,
Завороженная вечность,
Завороженная вечность и мерцающий огонь.

Этот отблеск карий-карий...
Эта мудрость вешней встречи...
Эта мудрость вешней встречи и прощенье лунных глаз...

Свечи, музыка молчания,
Словно нежность и сердечность,
Словно нежность и сердечность исповедывают нас.

И в печали прожитого
Тихо льется млечный вечер,
Тихо льется млечный вечер и качаются сердца,

И прозрачный звездный полог
Опускает нам на плечи,
Опускает нам на плечи
нежно
девочка-судьба.

НОКТЮРН СО СНЕЖНОЙ КОРОЛЕВОЙ

Лед души твоей – привычный, тонкий, ломкий, с острым краем
И еще немного снежинок, между трещинок в просвет,
Холодит и тает тихо, и по капельке стекает
По осколкам, где, играя,
Водит перышком поэт.

Оттого ли речь неровна? Краски яркие оттого ли
На лице твоём точеном и в глазах светлей воды,
Что так смутно и тревожно узнается в каждом слове
Что-то близкое до боли,
Невозможное навзрыд?..

В этих хрупких бледных льдинках заморожены сомненья,
Неоправданные грезы и надежд больных цветы...
Ты слегка прикрыла веки, влюблена в мечту сильнее,
Безнадежней и нежнее,
Чем в поэта и стихи.

Да – лицом к лицу не видно ни лица, ни человека,
Только слышен еле-еле осторожных капель звук.
Это лед твой плачет, плачет. Это где-то шепчет Герда,
И под перышком поэта
Бьется слов неровный пульс.

Жизнь земная скоротечна – сказка времени не знает!
Пусть узор из тонких льдинок так пленителен порой,
Только бьется, бьется сердце, только в нем уже оттаял
Голос маленького Кая,
Возвращенного домой.

АННИКА

Троллей нет!..

Анника

Раскрытая белая книга
И пара черешневых глаз,
И странное имя – Анника,
Как запах анисовых трав,
Иль алый цветок на чужбине,
Иль отзвуки ангельских труб,
Иль Агни – священная сила,
Да Млечный сиреневый путь,
Да снежность в сонатах Шопена
И лунная тень на челе,
И звезды немых изумлений
На взлете скрещенных бровей...

Волшебное имя – Анника...

«Нет троллей и фей тоже нет!..»
Лишь сказок ушедших страница,
Лишь искренность синих небес,
Да эльфа золотой колокольчик
В крылатых девичьих мечтах...
И сердца цветные осколки
На камнях родительских «я»...
Да нежности первый подснежник,
Да смех, точно ландышев цвет...

И ясная детская вечность,
Плывущая в сумерки лет.

Анника, Анника, Анника –
На кипельно-белых листах:
Раскрытая Господом книга
И пара черешневых глаз...

МАШЕНЬКЕ, КО ДНЮ
ЕЕ ПЯТИЛЕТНЕГО РАЗНОЦВЕТИЯ,
8 ИЮЛЯ 2005 ГОДА

Машенька, ах, Машенька,
Волшебный день рождения!
Русая головушка, воздушный поцелуй...

Загибает бережно,
Пальчик нежный девочка,
От начала века ли,
От середины лета ли,
Сосчитать пытается
Свой шестой июль.

Отчего у Машеньки
Да голубые крылышки,
Легкие, прозрачные, словно дар небес?

Отчего у Машеньки
В глазках цвет черешневый?
Не от мамы, папы ли, не от сладких ль грез?..

Что за думы дивные,
Ах, увлекают Машеньку,
В даль уносят синюю солнечным лучом?

Что за чудо-птица то
Осенила Машеньку
Своим темным, огненным да сказочным крылом?

Отчего у Машеньки
Так вспыхивает личико,
Словно зори алые, нежась поутру,

Отчего душа ее
Трепещет робкой птичкою,
Чистая, как ландыши в узорчатом лесу?

Отчего у девочки
Голосок серебряный,
Словно луг заутреню росами звонит?

Оттого, наверное,
Что в сердечко Машеньки
Звездочка небесная,
Звездочка волшебная
Залетела в гости,
Да осталась жить!

САМОКИШИНСКИЕ ЗАЙЦЫ

*К рождению Анечки семья Самокишиных
подарила нам мобиль (детскую карусельку) из зайцев...*

Самокишинские зайцы, Самокишинские зайцы
Каруселят облачками над пеленочным столом,
Где средь кружев одеялец и пастелей мягких платиц
Ткет Судьба на звездных пяльцах
Свой таинственный узор.

Он небесный, он волшебный – ах, искусная ткачиха!
Соткан тысячью мгновений, узелок за узелком.
Он сверкает, словно росы, он текуч, как мед гречишный,
Он воздушный, словно птичка,
И изменчивый, как сон.

Где-то солнышко лесное спит в его прозрачных тканях,
Где-то в тенях васильковых лютят прохладу родники,
И мерещится сквозь складки: юный принц, хрустальный замок
И кружащиеся в танце
Золотые башмачки...

Ах, дитя, тебе лишь ведать, что назначено Судьбою,
Пусть родительская нежность о серебряных крылах,
Пусть младенческая святость не расстанется с тобою,
Да минует лихо злое
И Любовь хранит тебя...

А пока... раскинув ручки, улыбаясь, божий Агнец
Озаряет мир, что ангел, голубым раскрыльем глаз.
И летят по небу зайцы, Самокишинские зайцы,
И Судьба со звездных пяльцев
Улыбается на нас.

БАЛЛАДА О КХИГЕЛЕ

«Кхигель... Тпруля... Пикху...»

Первые Анечкины слова

Рано утром в стенах комнат пляшут зайчики цветные,
И янтарный воздух полон синим запахом весны,
И на солнечных пылинках кружат эльфы золотые...
Вдруг, под легкий шепот ветра, на его прозрачных крыльях,
Прилетает добрый Кхигель – принц заоблачной страны.

Его кудри перевиты голубым небесным фаем,
Его мантия лучится светом утренней звезды!
Рядом с ним дворцовый Тпруля в лунной шапке с бубенцами
Да, блистая в колеснице, правит белыми орлами
Грозный Пикху – юный стражник, Рыцарь Тающей Зари.

Кхигель входит как посланник с драгоценными дарами:
Древний свиток берестяный и жар-птицево перо.
Только девочка-малышка знает этих знаков тайну
И учтиво, как принцесса, подношенье принимает:
Ручки тянет, улыбаясь, и в глазах ее светло.

Да, в тот миг посланец-Кхигель, дух призвав небесной феи,
Кликнет клич! – Ответит ветер, и подхватят соловьи!
Отзовутся дивным эхо эльфы на цветочных флейтах!..
И старинное преданье пробудится от забвенья,
И сплетут алмазный венчик над головкою огни.

Это сны священных кхиглей, это дар Фата Морганы,
Это первое причастье чудесам большой земли!
Это чудо быть малышкой яркий пламень зажигает
В том сердечке, где огромный мир трепещет и сверкает,
Где поет и не смолкает золотая божья нить!..

...Рано утром в стенах комнат пляшут зайчики цветные,
И янтарный воздух полон синим запахом весны,
Да на солнечных пылинках кружат эльфы золотые...
А малышка, просыпаясь, расправляет нежно крылья,
В кулачках держа подарки из заоблачной страны.

СОН

– Анечка, что ты видела?
– Сон.

Дочка тычется в мамино плечико,
Прячет в кудри счастливое личико,
Будто солнышко, нежась на облачке,
Иль на ветке вишневой синичка.
И весенним звенит колокольчиком:
Диги-дон, диги-дон, диги-дон!
Что ты видела, милая дочечка?
– ...Сон...

Этот сон, ах, с дырявым зонтиком,
В разноцветных подвязочках-ленточках,
В старомодной шагает мантии,
Чуть касаясь цветочных венчиков.
И павлиньи бабочки-бантики
Его след отмечают крылом –
До сих пор еще видит Анечка
– ...Сон...

Время-бабочка – пестрые крылышки,
Все в узорных цветных горошках:
В травах бьется мечтой ромашковой,
В небе катится медным грошиком.
Деткой, девушкой, мамой ли, бабушкой
В синем воздухе скорых времен
Что увидишь ты, доченька-лапушка?
– ...Сон...

Кудри-локоны, нежное личико
И прозрачное хрупкое плечико:
Так светла, безмятежна девочка,
Маме вверив свое сердечко!
И тихонько цветочные венчики...
Или звезды звенят за окном –
Ах, о чем?! На каких наречиях?!...
– ...Сон...

ЖЕНЕЧКЕ

Ты повзрослела, дочь моя!..

Ужели в жестах мимолетных
Сквозит незрячая судьба
И сердце обманувший опыт?

Ужели ветр весны твоей,
Надежд малиново-зеленых
Забылся танцем пышных дней,
В стекляшках века отраженных?

И что ж тебя, мой нежный цвет,
Бутон, раскрывшийся едва ли,
Манит садов осенних бред
И роскошь красок увяданья?!

Я счет веду с тех самых пор,
Когда светло и вдохновенно
Пропел мне ангел золотой,
Что ты придешь на эту землю,

Когда шептала мне сирень
В окно удушливо и пряно,
И на ветвях качался день,
Шальной от радости и пьяный!

И в белизне ли облаков
Иль в затаившей звезды сини
Уже означился полет
Души, еще не взявшей имя.

Полет над зябкостью озер,
Цикутой трав и рыбьей жаждой,
Над птичьей северной тоской
И человеческой неправдой.

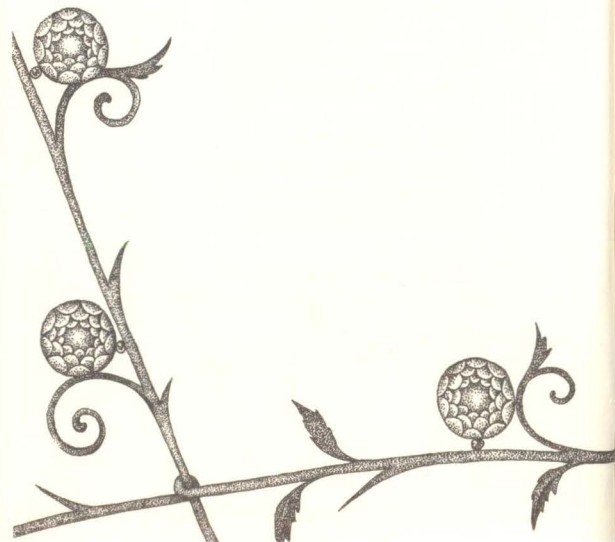
Раскинув два больших крыла
Во весь размах земного века,
Она слетала, как заря
Иного, ангельского неба.

Она несла с собой дары:
Благословенье звезд нездешних,
Поющих сфер цветные сны,
И зов несбыточной надежды,
И дрожь прозрения основ,
Дыханье розы вдохновенья,
И колокольный звон миров
В тиши непознанных мгновений!..

Ты тем дарам обречена!
Ты им сестра, ты кровь и плоть им!
И пусть слепа, как ночь, судьба,
Но сердце...
Сердце лишь господь ей!..

Роскошны ли сады греха?!..
Терниста ли дорожка счастья?!..
Распутье...
Выбор в чьей же власти?!

Ты повзрослела, дочь моя!

*...Так каждому сердцу кладется Любовью
Знобящая новость миров в изголовье.*

Б. Пастернак

«Она Анна!..»

Я спал, и в мозаике сна,
В синем мороке смутных видений
Непреложно и ясно вдруг встали слова,
Суть перун, рассекающий время –
«Она Анна!..»
И разом померкло вокруг.
Это солнечный Гений, Творец-Демидург
Миг на части разъял и сверкающий Дух
И виденье явил

Белых ангельских куп;

Горних труб,

Божьих губ

Месмерический звук,

Семь пылающих букв –

«Она Анна!..»

«Она Анна!..»

Младенец не старше двух лун,
Лучик солнца в льняной колыбели,
Два распахнутых неба, раскрытые рук –
Юный бог, заблудившийся в теле...

«Она Анна!..»

И где-то на млечных ветрах
Начинает кружить, словно птица, Душа,
И трепещущий пламенный диск Зодиак,
Как венец, преподносит ей в дар,

Начертав

Тайный знак

Звездных чар,

Два сакральных ключа,

Огневую печать –

«Она Анна!..»

«Она Анна!..»

Не ей ли помазана мать
К беспредельной священной Любви?

«Она Анна!..»

Мадонна с христом на руках
На раскрытых ладонях Христовых.

«Она Анна!..»

И если так много Любви
К изголовью кладет ей веленье судьбы,
Если звезды огнем в ее сердце легли,
То не Господа ль знак?!

Не знамение ли?!

Красоты,

Чистоты,

И Величья Пути,

Что уже предрекли –

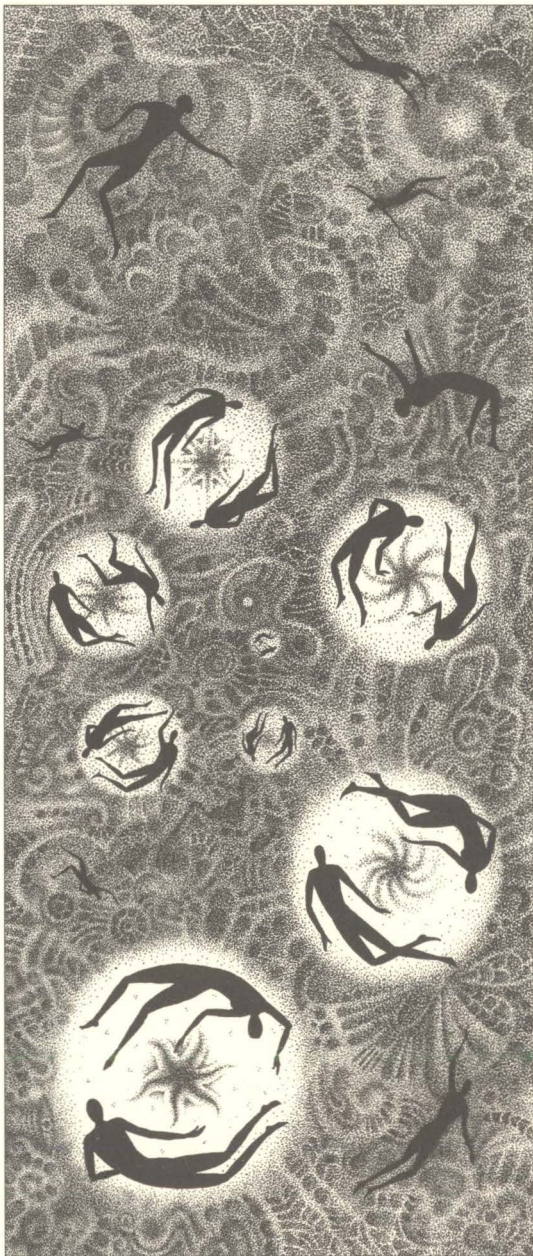
«Она Анна!..»

Да пребудет с ней Свет!

Аум!

Амен!

ОМ

Поднеси мое сердце к губам
И вдохни моих роз и волнений,
Это я – легкокрылый туман
И великая тайна творенья.
Это я – огнеликий мираж,
Искуситель эдемского сада,
И слепящая звезды стрела
На дуге золотого заката...

Это я – Царь царей, суть небес,
Белоперый орел вдохновенья,
Львиный зов в перламутровой мгле,
Воин-дух, негибимость веры,
Это я – устремленность лучей
И премудрость космической воли,
Это я – вознесенность смертей
И Начала Господнего Слова...

Отогрей мое сердце в руках
Между крыл белоснежных ладоней,
Да сойдут на меня благодать
И знаменье Пресветлой Мадонны!
Вознеси, охрани, освяти,
Причасти меня тайнам живого,
Материнским объятьям души,
Чистоте своей девичьей крови...

Это ты – милосердие небес,
Колыбельная Божьего чуда,
Это ты – мироточащий свет
И несбыточность жизней и судеб...
Это ты – Чара чар, соль земли,
Соловьиный восторг на рассвете,
Песней Песнь, благовенье весны,
Дар надежд, озаренья бессмертья,
Это ты – беспредельность миров,
Торжество жизнетворного Огня...
Это ты – Пресвятая Любовь
И присутствие Слова Господня...

Обними мое сердце собой,
Моя кровь – не твое ли дыханье?
Разве Ты или Я – не одно?
Разве Мы – не огонь мироздания?
Разве Сущий Господь не един,
Не проявлен и в капле живого?..
Как же мне не назвать Себя Им!
Как же мне не назвать Тебя Мною!?

Это Мы – откровенья Пуран,
Шепот рун и поющие мантры,
Это Мы – Зороастр и Аллах,
И полуночный морок шаманский,
Это Мы – Мировая Любовь
На спиралях грядущих свершений,
И распятый на крыльях Христос
Под алкающий хаос материй!
Это Мы – плоть от плоти Творца,
Дух от духа, суть чада Творенья,
Это Мы – Божий свет в зеркалах
Расправляющей веки Вселенной...

И дыханье пространств – наша грудь,
И глаза наши – звездная млечность,
И сердца наши – солнечный пульс,
Наполняющий синюю вечность...

Как печать огневого Аминь...
Как серебряный звон Аллилуйя...
Как раскаты священного Ом...

Как Любовь, как молитва Христова...
Как Живое Господнее Слово!..

ПОКА ПЕЧАТАЛАСЬ КНИГА

W. Shakespeare. Sonnet # 119

What potions have I drunk of Siren tears,
Distill'd from limbecks foul as hell within,
Applying fears to hopes and hopes to fears,
Still losing when I saw myself to win!
What wretched errors hath my heart committed,
Whilst it hath thought itself so blessed never!
How have mine eyes out of their spheres been fitted
In the distraction of this madding fever!
O benefit of ill! now I find true
That better is by evil still made better;
And ruin'd love, when it is built anew,
Grows fairer than at first, more strong, far greater.

So I return rebuked to my content
And gain by ill thrice more than I have spent.

В. Шекспир. Сонет № 119

Что за отраву мне пришлось испить
Из слез Сирен, из смрадных ягод ада,
Мечтая в страхе и страшась мечты,
Взлетев и не поняв, как низко пал я?!
Что за грехи вонзили когти в грудь,
Когда, казалось, все благословенно?!
И что, слепец, прозрел я поздно вдруг
Средь низости и суеты презренной?!
О добродетельность греха! Открылось мне:
Лишь грех избыт, благое станет благом!
Грехом унижена – умножится втройне
Любовь любовью, хоть в объятьях ада.

Душе стократ верну утрату я,
Умножив добродетелью греха!

W. Shakespeare. Hamlet.
Act 3, Scene 1. Hamlet soliloquy

To be, or not to be, that is the Question:
Whether 'tis Nobler in the mind to suffer
The Slings and Arrows of outrageous Fortune,
Or to take Arms against a Sea of troubles,
And by opposing end them: to die, to sleep
No more; and by a sleep, to say we end
The Heart-ache, and the thousand Natural shocks
That Flesh is heir to? 'Tis a consummation
Devoutly to be wish'd. To die, to sleep,
To sleep, perchance to dream; Ay, there's the rub,
For in that sleep of death what dreams may come,
When we have shuffled off this mortal coil,
Must give us pause. There's the respect
That makes Calamity of so long life:
For who would bear the Whips and Scorns of time,
The Oppressor's wrong, the proud man's Contumely,
The pangs of disprized Love, the Law's delay,
The insolence of Office, and the Spurns
That patient merit of the unworthy takes,
When he himself might his Quietus make
With a bare Bodkin? Who would Fardels bear
To grunt and sweat under a weary life,
But that the dread of something after death,
The undiscover'd Country, from whose Bourn
No Traveller returns, Puzzles the will,
And makes us rather bear those ills we have,
Than fly to others that we know not of.
Thus Conscience does make Cowards of us all,
And thus the Native hue of Resolution
Is sicklied o'er with the pale cast of Thought,
And enterprises of great pith and moment,
With this regard their Currents turn awry,
And lose the name of Action. Soft you now,
The fair Ophelia? Nymph, in thy orisons
Be all my sins remember'd.

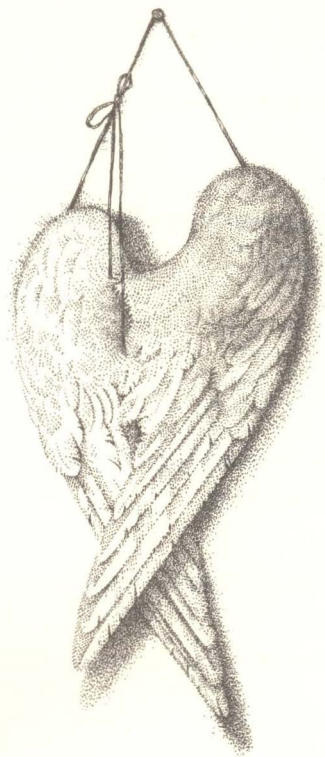
В. Шекспир. Гамлет.
Акт 3, сцена 1. Монолог Гамлета

Я Сущим жив иль мертв существованьем!? –
Вопрос вопросов – что ж достойнее:
Умом бежать страданий
Под свист и хохот яростного рока
Или, собрав все силы воедино,
Войти в стремнину жизненных невзгод
И, в противостоянье, их преодолеть.
И умереть... – Уснуть, не более того.
И этим сном явить освобожденье
От океана бедствий и душевных мук,
Что плотскому присущи воплощенью.
Не это ль называем мы Свершеньем?
И это ли не цель, достойная высокого сознания?!
Умереть... Уснуть... Уснуть,
Быть может, в мир видений погрузиться...
Стоп! Здесь в яблочко закрался червячок!..
Здесь надо б поразмыслить, какие откровенья
Нас посетят в смертельной дреме,
Когда отринем мы все крúги воплощенья.
Здесь, видимо, и кроется причина
Долготерпенья жизненных страданий.
Иначе кто б носил насмешки века, угнетенье,
Препоны, что чинит закон, чванливость знати,
Добродетель, поруганную низостью людской,
И муки отвергнутой любви –
Когда бы мог свести все сче́ты с жизнью
Ударом обнаженного клинка?
И кто влачил бы груз тягчайших дней,
Кряхтя и обливаясь пото́м,
Когда бы страх благоговейный перед смертью,
Чьи пределы ушедших странников скрывают безвозвратно,
Не связал бы волю и не заставлял
Сносить уж лучше зло существованья,
Чем воспарять стремленьем в неизвестность?..
Вот так трусливыми и делает нас ум!
Так в бледных волнах размышленья
Скрываются и тонут ярчайшие цвета души,
Стремящейся к освобожденью.
Так в потоке бытия великие дела и истина момента,
Утрачивая силу, опадают бесплодной пеной дней
И превращаются в людскую суету
Там, где могли бы стать Благо-деяньем!..

Чиста как ангел ты, о милая Офелия!
Помянешь ли мои грехи в святых молитвах, дева?

ОГЛАВЛЕНИЕ

Vers Libre	5	Тане К.	57
Я роняю слова...	9	Ноктюрн со Снежной королевой	59
Я зачем-то пою...	11	Анника	61
Полет Маргариты	13	Машеньке	63
Прокофьев. Скрипичный концерт. Вадим Репин	15	Самокишинские зайцы	65
Моцарт. Осень. Плетнев	17	Баллада о Кхигеле	67
Бетховен	19	Сон	69
Г. Иванову из XXI века	21	Женечке	71
Что жизнь людская...	23	Она Анна!..	73
Белый век	25	Ом	75
Наташе Кикениной, на ее стихотворение		W. Shakespeare. Sonnet # 119	82
«Время осени»	27	V. Шекспир. Сонет № 119	83
Осень	29	W. Shakespeare.	
Вояж	31	Hamlet. Act 3, Scene 1. Hamlet soliloque	84
Гавайские закаты	33	V. Шекспир.	
Ночью	35	Гамлет. Акт 3, сцена 1. Монолог Гамлета	85
ЮАР. Кейптаун	37		
Прощание	39		
Марокканский сонет	41		
Весенний сон	43		
Весенний эпизод	45		
Весеннее	47		
Тебе	49		
Бессмысленный сонет	51		
И вот Любовь весенним ветерком...	53		
Ах, не слушай меня ты, не слушай...	55		

Художник и дизайнер – И. Багаева
Редакция и корректура – Е. Эйдинова
Подготовка и издание – В. Денисов, А. Юдина,
Д. Протасов, С. Бучнев, Е. Подольский
2006 г.

агграват зорунк
агграт оооооооооооо
Оооооооооооо
Оооооооооооо
Оооооооооооо

Тзрорувато
мисли
Мисли - Мисли

мисли мисли мисли
мисли мисли мисли
мисли мисли мисли

Уаааааааааааааа
Уаааааааааааааа
Уаааааааааааааа
Уаааааааааааааа
Уаааааааааааааа

Возгущеност
леба
~~В Бор - сир!~~
Мисли мисли мисли
Мисли мисли мисли
Мисли мисли мисли

А дурно зору
Возгущеност мисли мисли мисли
Возгущеност мисли мисли мисли
Возгущеност мисли мисли мисли
Возгущеност мисли мисли мисли

